

С. Шостакович и его жена

Дмитрий Шостакович: “Ты для меня самый близкий друг”

1932, 1 ноября. Из Ленинграда в Москву

Дорогой Паша. С радостью убедился, что и простые письма благополучно доходят до адресата. Теперь буду писать простые, а то мне лень ходить на почту и стоять в очередях. Вначале изложу к тебе просьбу. Когда увидишь Столярова, то попроси его посмотреть самый конец третьего акта “Леди Макбет” (партитуру), и пусть он сообщит мне последнюю цифру в нотном тексте и последнюю страницу партитуры в моей рукописи непереписанную, а то я начал четвертый акт и не знаю, какой номер поставить страницы и цифры. Пожалуйста, попроси это его сделать. Это очень важно. Второе. Если уже переписана партитура последней картины третьего акта, то пусть он мне срочно перешлет мою рукопись, так как я сейчас помимо сочинения четвертого акта, делаю “образцовый” клавир, годный для печати. /Нрзб./ хочет напечатать клавир “Леди”. Я хочу срочно сделать для него клавир. Итак: если уже переписано, то пусть вышлет почтой или с оказией, если таковая будет. Я через шесть-семь дней смогу ему вернуть, так как клавир двух актов уже сделан и теперь надо приступить к третьему, а для этого нужен конец третьего акта. Я буду очень рад, если вопрос с ГАБТом утрясется безболезненно, но сильно в этом сомневаюсь, так как у ГАБТа руки длинные, и он начнет мне всячески /Нрзб./ и травить меня.

Кроме этих вышеописанных дел есть еще одно, я бы сказал, первоочередной важности. Вчера состоялось очередное заседание правления ленингр/адского/ Союза композиторов. На заседании было постановлено действовать перед ЦИК СССР о награждении меня к 15-летию Октябрьской революции орденом Трудового знамени. Мотивировка за действие такова: я честно работал за время моей сознательной жизни с партией и рабочим классом, несмотря на мою тяжелую прошедшую жизнь (тяжелое в высшей степени материальное положение и тому подобное), я не утратил веры в победу Октябрьской революции и проникался все большим и большим энтузиазмом в деле создания советской музыкальной культуры. Кроме того, моя работа, производимая с беспредельной преданностью партии, пролетариату и советской власти, обладает промднейшими достоинствами “философско-художественного” порядка. Вобщем, говорили так много хороших слов, что я чуть не расплакался, будучи по природе человеком нервным. Кроме того, говорили, что я подвергался сильной травле со стороны покойной РАПП, и несмотря на это, я не утратил веры в советскую музыкальную культуру и не покладая рук работал в самых разных областях музыкального искусства. Одним словом, единогласно постановили задействовать перед ЦИКом о соотвествующей награде. Все это было очень и очень трогательно. Говорили даже о моих скверных квартирных условиях. Я же убежал и дома всплакнул немножко, потом стал трезво рассуждать: получу или не получу. И трезво все это взвесив, я решил, что не получу. Присутствовало вчера на заседании правления ССК человек двадцать пять. Сегодня уже весь город трубит о вышеупомянутом случае, и если я не получу никакой награды, то насмешкам и издевательствам не будет конца. А награды получат, по моему мнению, следующие т.т.: Баратов за “Псковитянку”, Голованов за талант, Волков и Дмитриев (либретто балета “Пламя Парижа”), Асафьев (музыка означенного балета) и другие и другие. Обидно и больно будет мне, если мне ничего не дадут. Не посоветуешь ли ты мне чего-нибудь. Например, написать письмо Калинин у с просьбой не награждать меня, а заверенную копию письма к Калинин хранить у себя и показывать всем насмешникам. Я растерян, не знаю, как быть. Я никак не думал, что об этом, то есть о награждении меня орденом Трудового знамени будет разговор. А раз разговор начался, то я отравлен, и мучаюсь, и страдаю. Срочно посоветуй мне что-нибудь.

Окончание на 10 стр.

Окончание. Начало на 9 стр.

Вот какие дела. Я, как Бурдюков из “Владимира 3-й степени”, отравлен мечтой об ордене и волнуясь нещадно. Дело мое с квартирой движается. Получаю я квартиру из четырех комнат, 70 квадратных метров. Дмитровской переулок, д.3, кв.5. Я так измучился со своей мечтой о сносном существовании, что уже не верю в это. Когда въеду в квартиру, обязательно приезжай ко мне погостить, я надеюсь, что в январе-феврале 1933 года въеду. Кроме того, просьба еще одна. У меня нету копии моего договора с театром Немировича-Данченко. Если возможно, то /нрзб./ договор. Не полагается ли мне денег. А то я сейчас сижу на мели. Если полагается (всего я получил три тысячи), то попроси мне переслать телеграфом за мой счет. Буду за это очень благодарен и тебе и театру.

Крепо тебя целую. Привет Мордвинову, Столярову, Рейнгерцу, Шлуглейту и многим другим. Нина хворает, но кланяется.

Д.Шостакович

Срочно отвечай. И еще одно дело. Помнишь наш разговор о моей работе в театре Немировича-Данченко? Если из этого что-нибудь вышло, то вышли мне, пожалуйста, бумажку о том, что я состою на службе в театре и получаю столько-то. Это мне надо для домоуправления, а то они обложат меня квартплатами как свободную профессию, и я тут волком взвою. Сделай это, пожалуйста. Срочно сделай.

Д.Ш.

Квартира в Москве необходима. Из ТРАМа я ушел.

1934, 27 января. Из Ленинграда в Москву.

Мой милый и дорогой Паша. С самого начала этого пись-

Дмитрий Шостакович: “Ты для меня самый близкий друг”

ма прошу тебя принять мои уверения в глубокой нежной дружбе к тебе. Ты для меня самый близкий друг, к которому я всегда хочу стремиться в минуту жизни трудную, и я убежден, что всегда найду у тебя поддержку и дружескую помощь. Мне мучительно больно, что ты на меня обиделся за мой выпад против театра, но если бы ты был тонким психологом, то, наверное, понял и простил бы меня. Ты помнишь, когда во время моего предпоследнего приезда в Москву я смотрел генеральную репетицию, я чуть не плакал от восторга перед спектаклем. Неужели ты не веришь, что это было сделано искренно, от всего сердца. И неужели ты не можешь себе представить, что моя реплика в театре после второго акта на втором спектакле является ни чем иным, как нелепой вспышкой автора, думающего, что его опера, любимейшее детище, провалилась”. Нет, пожалуй, человека, которого бы так любил и ценил, как моя жена. И тем не менее я очень часто с ней ссорюсь и говорю ей самые обидные слова. Если бы все это принималось ею за чистую монету, то она уже давно не была бы моей женой. И я прошу тебя от всего сердца. Забудь. Не было ничего. И не будет. Я со страшной боязнью жду от тебя письма. Я боюсь, что ты меня будешь упрекать. Я боюсь твоих упреков, потому что они будут несправедливы. Я в данный момент страшно одинок. Нина меня всю дорогу ругала за то, что мы уехали из Москвы с общественного просмотра. Она довела ме-

ня до такого состояния, что я сейчас плачу горячими слезами. Я обладаю рядом отвратительных качеств, которые мне так мешают жить. Первое из них – это повышенная ревность и мнительность к своим вещам. Я глубоко убежден, что мне надо подняться выше этого, но никак не могу. Не хватает сил. И когда публика кашляет в театре, то это равносильно для меня/ ударами ножа по окровавленной ране. Я пережил два спектакля в театре Немировича-Данченко и один в Мих/айловском/ театре. Я никогда не мог бы подумать, что это окажется до такой степени тяжело. Здесь нет кокетства, здесь нет кривляния. В это, мне кажется, никто не верит, ни ты, ни Столяров, ни Нина. Подожди, пускай пройдет десять спектаклей. Я успокоюсь и буду с восторгом слушать Столярова и смотреть спектакль. Сейчас мне необходим перерыв. И сегодня я не иду в Мих/айловский/ театр, ссылаясь на то, что я не вернулся из Москвы. Мое состояние особенно мучительно, что я чувствую, что я моим отъездом из Москвы нанес обиду театру. Я эту обиду заглажу, даю честное слово, что заглажу тем или иным способом. И если театр меня любит хотя бы в десять раз меньше, чем я его люблю, то меня поймут и мне простят. Если это письмо придет до того, как ты мне будешь писать, то прошу тебя, воздержись от упреков. Они будут мучительны. Крепко тебя целую.

Твой Д.Шостакович.

Публикацию подготовила сотрудница Музея МХАТ
Екатерина ШИНГАРЕВА

* Речь идет о двух первых исполнениях “Катерины Измайловой” в Музыкальном театре имени В.И.Немировича-Данченко. Премьера – 24 января 1934 года.

Здравствуй, Паша!

№11 (375), 20 – 27 марта 1997 года